

ОТЗЫВЫ О КНИГЕ КЭТРИН АРНОЛЬД

НЕКРОПОЛЬ (NECROPOLIS)

«Глубоко удовлетворяющее... развлечение самого яркого и изысканного вида... Бедекер* для мертвых».

Питер Акройд, *The Times*

«Блестящая и часто трогательная... хорошо проработанная и изящно написанная книга».

Sunday Telegraph

«Пронзительные или драматические фигуры заполняют эти страницы. Книга Арнольд изобилует восхитительно жуткими подробностями».

Сьюзи Фей, *Independent on Sunday*

«Элегантная прогулка по стране мертвых».

Джад Адамс, *Guardian*

«Рассказ Арнольд о смерти в Лондоне поочередно завораживает, сводит желудок и пронзает душу».

Independent

«В чем рассказ Арнольд действительно очаровывает, так это в его эксцентричных социальных деталях. Восторженных, добродушных и просто очаровательных».

Синклер Маккей, *Daily Telegraph*

* Карл Бедекер — немецкий издатель, основал в 1827 году в Кобленце издательство путеводителей по разным городам и странам. — *Прим. пер.*

БЕДЛАМ (BEDLAM)

«Изящно написана и богата реальными историями».

Daily Mail

«Когда вы прочитаете эту полезную, информативную и со вкусом задуманную книгу, вы станете богаче».

Sunday Express

«Прекрасно написанная, основанная на тщательных исследованиях и гуманная книга, наполненная трогательными историями».

Independent

«Блестящая новая история обращения столицы с душевнобольными».

Time Out

ГОРОД ГРЕХА (CITY OF SIN)

«Чрезвычайно занимательно... Арнольд — восхитительный спутник в путешествии сквозь века».

Джанетт Уинтерсон, *The Times*

«Арнольд четко организует это грандиозное исследование».

Evening Standard

«Часто волнующая, иногда шокирующая, занимательная... книга — живое подтверждение сексуального желания во всех его проявлениях».

Observer

ПРЕСТУПНЫЙ МИР ЛОНДОНА (UNDERWORLD LONDON)

«[Кэтрин Арнольд] поддерживает свои обычные высокие стандарты... никогда не отступая от ужасных фактов».

Press Association

«Кэтрин Арнольд собрала историю британских преступлений, чтобы в жилах читателя застыла кровь, и чтобы пощекотать ему нервы».

Mail on Sunday

«У Арнольд легкая рука, когда речь заходит о темных темах».

Sunday Telegraph

Об авторе

Кэтрин Арнольд — автор ряда широко известных произведений, включая «Некрополь: Лондон и его мертвецы» (*Necropolis: London and its Dead*), «Бедлам: Лондон и его безумие» (*Bedlam: London and its Mad*), «Город греха: Лондон и его пороки» (*City of Sin: London and its Vices*) и «Глобус: жизнь в Лондоне Шекспира» (*Globe: Life in Shakespeare's London*). Ее первый роман «Потерянное время» (*Lost Time*) выиграл премию Бетти Траск. Кэтрин получила степень по английской литературе в Кембриджском университете и дополнительную степень по психологии.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ . Большой ветер	11
ГЛАВА ПЕРВАЯ . Жертва и выживший	29
ГЛАВА ВТОРАЯ . Сбивающая с ног лихорадка	43
ГЛАВА ТРЕТЬЯ . Безымянный убийца	57
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ . Невидимый враг	71
ГЛАВА ПЯТАЯ . Смертельное лето	85
ГЛАВА ШЕСТАЯ . Знай своего врага	101
ГЛАВА СЕДЬМАЯ . Клыки смерти	115
ГЛАВА ВОСЬМАЯ . Как будто сражаешься с призраком	133
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ . Око бури	147
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ . Саван и деревянный ящик	167

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.	
«Испанка» едет в Вашингтон	183
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. От гриппа не спастись	193
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Родная дочь умирает	205
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Роковое путешествие	219
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Корабль мертвецов	233
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Как вор в ночи	243
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. Смертельная осень	259
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. День перемирия	283
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Черный ноябрь	297
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. Последствия	315
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.	
«Вирусная археология»	329
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. Связь с Гонконгом	343
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. Секреты могилы	357
ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ	371
БИБЛИОГРАФИЯ	405
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	415

Это было началом падения цивилизации, гибели человечества*.

Г. Дж. Уэллс. Война миров

Капитан вдруг показался очень уставшим. «Иногда мне кажется, мистер Бенсон, что сам воздух отравлен этим проклятым гриппом. Вот уже четыре года миллионы гниющих трупов покрывают добрую часть Европы от Ла-Манша до Аравии. Мы не можем убежать от него, даже когда находимся на расстоянии 2000 миль в море. Кажется, он пришел так же, как темный и невидимый туман в наш последний рейс».

Герберт Фолкнер Уэст, «ВМС Кефалинии — История Северной Атлантики в 1918 году» («H.M.S. Cephalonia — A Story Of The North Atlantic In 1918»)

Лети в это чумное место! Жаркий, зловонный воздух пропитан чумой — в магазинах и на дорогах, когда-то полных жизни, тихо, как в кладбищенском склепе.

Ошеломленная и содрогающаяся природа затаила дыхание в малодушном страхе и чувствует в своем сильном сердце смертоносные клыки смерти.

Сюзанна Муди. Наше путешествие по стране

* Перевод М. Зенкевича.

*Посвящается памяти моих бабушки и дедушки
Обри Глэдвина и Лалэйдж Бэгли Глэдвин,
а также миллионов таких же, как они,
погибших во время пандемии испанского гриппа
1918–1919 годов*

Введение

Больной ветер

В сентябре 2008 года, когда солнце садилось над продуваемым всеми ветрами йоркширским кладбищем, свинцовый гроб был опущен в землю, спустя несколько часов после того, как его открыли впервые за восемьдесят девять лет. Знакомые слова похоронной службы звучали в сумерках, в то время как образцы человеческих тканей замораживали в жидком азоте и перевозили в лабораторию, чтобы спасти миллионы жизней [1]. Медицинские исследователи эксгумировали тело сэра Марка Сайкса (1879–1919), чтобы идентифицировать разрушительный вирус испанского гриппа, который убил 100 миллионов человек в последний год Первой мировой войны. Сэр Марк Сайкс, британский дипломат, умер от испанского гриппа во время Парижской мирной конференции 1919 года в своем отеле рядом с садами Тюильри. Как и многие жертвы испанского гриппа, он был крепким и здоровым мужчиной в расцвете сил – тогда ему было всего тридцать девять лет.

Останки сэра Сайкса были захоронены в свинцовом гробу, что соответствовало его статусу дворянина, и перевезены в Следмер-Хаус, семейное поместье семьи в Восточном Йоркшире. Он был погребен на кладбище церкви Святой Марии, которое примыкало к имению. Если бы его тело не было герметично закрыто толстым

слоем свинца, его жизнь могла бы спокойно кануть в Лету. Но свинец резко замедлил разложение мягких тканей тела, давая возможность ученым, исследующим вирус птичьего гриппа H5N1, изучить поведение его предшественника. Одна из теорий о причинах эпидемии 1918–1919 годов заключалась в том, что патоген являлся штаммом птичьего вируса H1N1, который похож на H5N1. Исследователи полагали, что останки сэра Сайкса могут содержать ценную информацию о том, как вирус гриппа преодолел видовой барьер между животными и людьми [2].

В 2011 году в мире было всего пять пригодных образцов вируса H1N1, и ни один из них не был получен из хорошо сохранившегося тела в свинцовом гробу. Уже был секвенирован учеными H1N1, выделенный из замороженных останков, найденных на Аляске, но оставалось много вопросов о том, как вирус убивал своих жертв и как он мутировал к 1919 году, когда убил сэра Марка Сайкса [3].

Профессор Джон Оксфорд, выдающийся вирусолог, возглавлявший группу исследователей останков сэра Марка, сказал журналистам, что баронет «умер на позднем этапе эпидемии, когда вирус почти истощил свои силы. Мы хотим понять, как действовал вирус, когда он был наиболее опасен и когда подходил к концу своей циркуляции. Образцы, которые мы взяли у сэра Марка, могут помочь нам ответить на некоторые очень важные вопросы» [4]. Ученые целых два года пытались получить разрешение от епархии Йорка на проведение эксгумации. Этот трудоемкий процесс включал в себя специальное слушание под председательством представителя Верховного суда. После этого ученые из команды профессора Оксфорда, одетые в полный комплект защиты от биологической опасности и сопровождаемые медицинскими экспертами, духовенством, сотрудниками по охране окружающей среды и потомками сэра Марка Сайкса, наконец присутствовали при вскрытии могилы. После короткой молитвы надгробие убрали, и саркофаг был открыт внутри герметичной

палатки, прежде чем исследователи в защитных костюмах и респираторах открыли гроб. После стольких месяцев подготовки это был напряженный и волнующий момент. Но исследование, похоже, было обречено на провал.

В верхней части свинцовой оболочки была обнаружена трещина, а это означало, что шансы найти неизмененный образец вируса были весьма малы. Гроб раскололся под тяжестью земли, и труп сильно разложился. Тем не менее команда смогла извлечь образцы легочной и мозговой ткани через эту трещину. Причем гроб оставался на месте в могиле во время этого процесса, чтобы не тревожить тело слишком сильно. Хотя состояние трупа было разочаровывающим, исследование образцов тканей, взятых из останков, в конечном итоге выявило ценные генетические следы H1N1 и установило состояние патогена на момент смерти сэра Марка [5].

Эксгумация тела сэра Марка Сайкса представляла собой всего лишь одну попытку найти объяснение смертельной болезни, опустошившей земной шар в последний год Великой войны*. В течение трех последовательных волн, с весны 1918 по лето 1919 года, явление, ставшее известным как испанский грипп, унесло жизни примерно 100 миллионов человек во всем мире. Болезнь не сразу была названа испанским гриппом или более причудливым прозвищем «испанка». Изменяющееся существо – испанский грипп – было скользким зверем, трудно поддающимся определению за исключением общих характеристик сильной дыхательной недостаточности, кровотечений и лихорадки. По мере того как вирус прогрессировал, многие врачи и гражданские лица задавались вопросом, действительно ли эта апокалиптическая болезнь была гриппом.

С точки зрения национальной идентичности в испанском гриппе не было ничего изначально испанского. Поначалу,

* До Второй мировой войны Первую мировую войну называли Великой войной.

в первые месяцы 1918 года, большинство врачей полагали, что они имеют дело с чем-то не более серьезным, чем агрессивная вспышка обычного гриппа. Но поскольку эпидемия продолжалась, и король Испании Альфонсо XIII стал жертвой вместе со многими своими подданными, этот опасный штамм вируса гриппа активно обсуждался в испанской прессе.

Дебаты такого рода были возможны, поскольку страна заняла нейтралитет во время Первой мировой войны. В других странах, в Великобритании и Соединенных Штатах, цензура сделала невозможными подобные обсуждения

В июне 1918 г. лондонская The Times высмеяла испанский грипп как мимолетную причуду. К осени, когда смертельная вторая волна гриппа поразила население всего мира, последствия болезни стало невозможно игнорировать.

за пределами страниц медицинских журналов, таких как Lancet и British Medical Journal. По закону «Об обороне Соединенного Королевства» (DORA, Defence of the Realm Act), газетам не разрешалось публиковать материалы, которые могли бы вызвать страх или смятение. Когда в июне 1918 года появился термин «испанский грипп», лондонская The Times воспользовалась случаем высмеять эту болезнь как мимолетную причуду. К осени 1918 года, когда смертельная вторая волна испанского

гриппа поразила население всего мира, последствия этой болезни оказалось невозможно игнорировать. В Соединенных Штатах было зарегистрировано 550 000 смертей, что в пять раз превышает общее число военных потерь, в то время как в Европе умерло более двух миллионов человек. По оценкам ученых, в Англии и Уэльсе от гриппа и его осложнений, в частности пневмонии, умерло около 200 000 человек, или 49 человек на 10 000 населения.

Сегодня, несмотря на регулярные страхи по поводу птичьего гриппа, ОРВИ, ВИЧ и Эболы, трудно представить себе сценарий, в котором что-то столь банальное,

как грипп, могло бы вызвать такой уровень заболеваемости и смертности. Хотя большинство из нас за свою жизнь несколько раз болеет гриппом, а вакцинация против него эффективна лишь приблизительно на 50 процентов, почти все выживают при минимальной медицинской помощи. Что же тогда было такого особенного в испанском гриппе, и почему он оказал такое разрушительное воздействие?

Чтобы получить некоторое представление об этих особенностях, нам необходимо определить природу гриппа и рассмотреть краткую историю болезни. В общих чертах грипп — это комплексное заболевание, вызываемое вирусом, который передается воздушно-капельным путем и распространяется между людьми в микроскопических каплях через кашель или чихание.

То, что люди находятся в тесных контактах, способствует распространению инфекции, особенно в переполненных общественных местах, таких как школы, военные лагеря и больницы. Во многих случаях школьники первыми подхватывают вирус и затем заражают членов своей семьи [6].

Хотя испанский грипп представлял собой самую смертоносную мутацию вируса гриппа, само по себе заболевание не является чем-то новым. Упоминания о гриппе как недуге восходят к классическим временам, когда Гиппократ стал свидетелем очевидной эпидемии гриппа в Греции в 412 году до н. э., а Тит Ливий зафиксировал подобную вспышку в своей «Истории от основания города»^{*}.

Само слово «грипп» появилось примерно в 1500 году, когда итальянцы ввели этот термин для обозначения болезней, которые они приписывали «влиянию» звезд^{**}. Другим возможным источником было итальянское выражение *influenza di freddo* — влияние холода [7].

К XV веку болезнь называют в Англии «мюр» или «кайра». По-видимому, она убила двух монахов аббатства

^{*} «История от основания города» — основное произведение Тита Ливия, касается истории Древнего Рима.

^{**} Игра слов: *influence* («влияние») и *influenza* («грипп»). — *Прим. пер.*

в Кентербери, в то время как вспышка *sudor Anglicus*, или английской потливой горячки, была задокументирована после битвы при Босворте в 1485 году [8]. К 1562 году лорд Рэндольф пишет из Эдинбурга лорду Сесилу, описывая симптомы, наблюдаемые у Мэри, королевы Шотландии. Рассказ лорда Рэндольфа будет знаком каждому, кто стал свидетелем вспышки гриппа.

Сразу же по прибытии сюда королева познакомилась с новой болезнью, распространенной в этом городе, называемой здесь «новая знакомая», которая также прошла через весь ее двор, не пощадив ни лордов, ни леди, ни французов, ни англичан. Это настоящий мор, с болями в желудке и сильным кашлем, у некоторых длится долго, а у других быстро проходит.

Королева провела в постели шесть дней. Появилась видимость опасности, но мало кто умирает от этой болезни, за исключением некоторых старых людей [9].

К XVIII веку, «Веку просвещения», дух научного исследования позволил врачам и ученым тщательнее регистрировать эпидемии и строить предположения о природе этой болезни. Когда врачи пришли к пониманию того, что грипп распространяется как инфекция, а не вызывается загрязненным воздухом и туманами, регистрация крупных эпидемий стала важной задачей. Одна особенно опасная вспышка в 1743 году возникла в Италии, и по мере того, как она распространилась по Европе, термин «грипп» стал широко употребим и впервые был использован в печати в *Gentleman's Magazine* в мае 1743 года [10]. Гораций Уолпол, описывая его последствия в письме от 25 марта 1743 года, сообщал, что «ни в одной семье не было меньше пяти-шести больных» [11]. Многие люди были вынуждены нанимать новых рабочих. Гернье, аптекарь, взял двух